

Та «благодарственная встреча» закончилась тем, что Ань Жань, прижимая к груди новый телефон, доехала до порога своего дома на служебном автомобиле Сыту Яо.

Всю дорогу она чувствовала себя так, будто ступает по облакам: голова кружилась, а мысли путались. Властность и нежность Сыту Яо сплелись в плотную, непроницаемую сеть, из которой Ань Жань не могла вырваться и которой не могла сопротивляться.

Вернувшись в свою маленькую квартиру, первым делом она положила новенький смартфон цвета сакуры на самый дальний край стола, словно это был опасный предмет. Сама же рухнула на диван, закрыв пылающее лицо клубничной подушкой. Теплое дыхание Сыту Яо, ощущавшееся совсем недавно у самого уха, казалось, до сих пор оставляло на коже след, вызывая непроизвольную дрожь.

Ань Жань была человеком, не слишком искушенным в чувствах. За двадцать лет она ни разу не влюблялась, отдавая всё сердце лишь своему виолончелисту. Но даже при всей своей неискушенности она понимала: то, как Сыту Яо относится к ней, выходит далеко за рамки дружбы или даже благодарности спасительницы.

Что это за чувства? Ань Жань боялась задумываться. Она знала лишь одно: женщина по имени Сыту Яо, подобно маленькому камешку, брошенному в тихую гладь её озера, — нет, не камешку, а огромному метеориту, несущемуся с грохотом небес, — полностью перевернула её размеренную жизнь.

— Хватит об этом думать! — Ань Жань раздраженно взъерошила волосы, превратив длинные розовые пряди в птичье гнездо.

Она решила избавиться от тревоги привычным способом — игрой на инструменте. Но стоило ей подняться и подойти к виолончели, которую она называла Си, как в памяти снова всплыл сегодняшний разговор.

— При твоём нынешнем уровне этот инструмент тебя уже недостоин.

Рука Ань Жань, потянувшаяся к футляру, замерла. Она нежно погладила старую поверхность, испещренную царапинами — следами её прошлого. Конечно, она понимала, что Сыту Яо права. Но для неё Си была не просто инструментом, а безмолвным спутником, единственной семьей.

Вздохнув, она взяла виолончель и начала настраивать её. Однако, возможно, из-за психологического настроения, стоило ей извлечь первый звук, как ей показалось, что тембр Си стал каким-то... бедным. Особенно после роскоши элитного клуба, в котором она побывала вечером, эта крошечная квартирка вдруг показалась тесной, а звук — зажатым.

Эта мысль испугала её саму. Как у неё могли возникнуть такие мысли? Раньше она никогда не находила изъянов ни в своём жилище, ни в Си.

Это всё Сыту Яо.

Эта женщина незаметно для неё самой подняла планку, заставив с неосознанным пренебрежением смотреть на то, что раньше приносило радость.

— Нет, всё не так! — Ань Жань решительно покачала головой, пытаясь выгнать образ Сыту Яо из мыслей. Закрыв глаза, она сосредоточилась на нотах. Музыка была её последним убежищем.

Следующие несколько дней жизнь Ань Жань, казалось, вошла в привычное русло. Сыту Яо больше не выходила на связь и ничего не присылала, словно исчезла из её мира. Розовый телефон был надежно спрятан в глубине ящика стола, и Ань Жань упрямо не желала им пользоваться. Если бы не высокотехнологичный планшет безопасности под рукой и не полные зависти и благоговения взгляды коллег по оркестру, она бы решила, что всё случившееся — лишь странный сон.

Выбор солиста для проекта Новая звезда прошел без сюрпризов: роль досталась ей. После увольнения Лю Линь никто в оркестре больше не смел проявлять к ней неуважение. Это было странное чувство: она ничего не сделала, но словно за одну ночь обрела невидимый ореол власти.

В тот день после обеда Ань Жань репетировала в общем зале. К ней в сопровождении дирижера Ван пришел мужчина в строгом костюме, похожий на высокопоставленного помощника.

— Госпожа Ань Жань, здравствуйте, — он протянул визитную карточку, на которой было написано: Главный юрист корпорации Хуаньюй, Чэнь Мо. — Я адвокат госпожи Сыту.

— Госпожи Сыту? — сердце Ань Жань снова сжалось. — У неё... что-то случилось?

— Видите ли, — Чэнь Мо поправил очки в золотой оправе и произнес сухим деловым тоном, — госпожа Сыту подготовила для вас личную репетиционную студию, всё уже готово к использованию. Вот адрес и ключи. Она надеется, что вы переедете туда уже сегодня.

Он положил перед ней карточку с адресом и необычный ключ. Окружавшие их музыканты удивленно переглянулись. Ань Жань застыла в растерянности.

— Личная студия? Но мне... мне это не нужно! Мне и здесь хорошо работается! — поспешно отказалась она.

Дирижер Ван неловко улыбнулся, пытаясь помочь:

— Господин адвокат, видите ли, наш репетиционный зал, хоть и обычный, но один из лучших в городе...

Чэнь Мо, словно не услышав его, смотрел прямо на Ань Жань, его голос звучал ровно и безапелляционно:

— Госпожа Ань Жань, виолончель, на которой вы играете сейчас, серьезно ограничивает ваш потенциал. А в условиях общего зала невозможно раскрыть ваш талант в полной мере. Госпожа Сыту считает, что это расточительство по отношению к искусству.

Снова эта логика.

— Но я...

— Если вас беспокоит стоимость, — перебил он, — то будьте спокойны. Право собственности на студию уже переоформлено на ваше имя. Это ваша личная недвижимость, никаких арендных отношений.

— Что?! — Ань Жань и все присутствующие музыканты, включая дирижера, вскрикнули от изумления.

Подарить личную студию? И сразу оформить на её имя? Это уже нельзя было назвать просто щедростью. Адрес на карточке указывал на верхний этаж самого престижного бизнес-центра города — Вершина мира. Земля там стоила баснословных денег, не говоря уже о помещении — это была астрономическая сумма, которую Ань Жань не заработала бы и за всю жизнь.

— Я не могу это принять! — Ань Жань затрясла головой. — Это слишком дорого! Пожалуйста, верните это госпоже Сыту!

На лице Чэнь Мо не дрогнул ни один мускул. Казалось, он предвидел такую реакцию. Он заговорил медленно, и его голос отчетливо прозвучал в тишине зала:

— Госпожа Ань Жань, госпожа Сыту просила передать вам следующее. Если вы откажетесь, она немедленно выкупит ваш симфонический оркестр Утренняя звезда, а затем расформирует его.

В зале воцарилась гробовая тишина. Все замерли, словно пораженные заклятием, даже дыхание перехватило. Выкупить известный оркестр и распустить его? Звучало как бред, но, глядя на этого властного мужчину, никто не сомневался в правдивости его слов.

Лицо Ань Жань мгновенно стало пепельно-бледным. Она резко обернулась к коллегам: на лице дирижера Вана читался ужас, а в глазах других музыкантов шок сменился сложной смесью мольбы и даже скрытого упрека.

Она всё поняла. Это был шантаж. Сыту Яо снова использовала метод, против которого Ань Жань была бессильна. На этот раз заложником стало не только её будущее, но и судьба всего оркестра, работа и достаток десятков людей.

Ань Жань сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Она ощутила, как холодное чувство бессилия накрывает её с головой. Посмотрев на бесстрастного адвоката, а затем на коллег, она словно лишилась всех сил и медленно, с трудом кивнула.

— ...Хорошо, — её голос был тихим, как упавшее перышко. — Я... согласна.

Чэнь Мо остался доволен результатом и слегка склонил голову:

— Мудрое решение. Водитель будет ждать вас внизу, чтобы отвезти и показать новое место.

Сказав это, он развернулся и вместе с дирижером Ван решительно вышел из зала. Тягостное молчание затянулось. Наконец, круглолицая девушка, с которой Ань Жань была в хороших отношениях, осторожно подошла и похлопала её по плечу:

— Ань Жань, ты... не расстраивайся. Госпожа Сыту, она ведь... она всё это делает ради тебя.

Ради неё. Значит, ради неё можно бесцеремонно вмешиваться в её жизнь? Ради неё можно угрожать будущим других людей?

Ань Жань обняла свою виолончель Си и медленно поднялась. Под сложными взглядами коллег она молча вышла из зала. Она не стала садиться в машину адвоката, а сама, с инструментом в руках, на метро добралась до небоскреба Вершина мира.

Когда она открыла тяжелую дверь на верхнем этаже своим необычным ключом, её снова охватил шок. Это была вовсе не студия, а огромный пентхаус, занимающий весь этаж. Минималистичный скандинавский стиль, мягкие бежевые и древесные тона. За огромными панорамными окнами открывался еще более величественный вид на город, чем из ночного клуба.

В центре пространства, на самом почетном месте, стояла виолончель. Линии инструмента были изящны, дерево отливало теплым глубоким красно-коричневым цветом, свидетельствуя о том, что оно прошло через века.

Дыхание Ань Жань остановилось. Она, пошатываясь, подошла ближе. Когда она разглядела уникальный знак на головке грифа, слезы хлынули из глаз без предупреждения.

Страдивари. И не просто Страдивари, а Дюпор 1711 года. Легендарная святыня мира виолончели, артефакт, прикоснуться к которому мечтает каждый музыкант. Он должен был находиться в музее или в сейфе какого-нибудь загадочного миллиардера. А теперь он стоял здесь, беззащитный перед ней.

Рядом с инструментом лежала карточка с холодным и элегантным почерком Сыту Яо:

Только лучшее достойно тебя.

Не смей больше называть её Си, у неё есть имя — Дюпор.

Ань Жань протянула дрожащую руку и, словно касаясь величайшей святыни, провела пальцами по холодному гладкому корпусу. Она больше не могла сдерживаться: опустилась на пол, обхватила колени руками и разрыдалась.

Она не знала, что это было — восторг, трогательность или... полное отчаяние. Женщина по имени Сыту Яо была поистине пугающей. Она не только хотела контролировать её жизнь, но и делала это таким образом — способом, от которого невозможно отказаться и который заставляет терять голову, — чтобы сломить любую волю к сопротивлению.

Впервые в душе Ань Жань возникли сомнения. Может быть... покориться ей — это не так уж... невыносимо?

<http://bllate.org/book/20547/2052063>